

LITERATUROZNAWSTWO

Antoni Bortnowski

DOI: 10.15290/sw.2023.23.01

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

e-mail: a.bortnowski@amu.edu.pl

ORCID: 0000-0002-9963-1798

«Остается еще людская память».**Многоголосие «маленьких» свидетелей истории
в романе-документе Анатолия Кузнецова *Бабий Яр***

Ключевые слова: *Бабий Яр*, эго-документ, «маленький» человек, двойственное повествование, роман-документ

«Над Бабьим Яром памятников нет...» – так начинается поэма Евгения Евтушенко, которая принесла ему известность в 1961 году и напомнила мировому сообществу об одной из самых ужасных глав Холокоста – истории казни десятков тысяч киевлян в сентябре 1941 года. Монумент, посвященный погибшим в Бабьем Яре, был в итоге открыт в 1976 году, но еще раньше появился самый известный литературный памятник жертвам черной главы в истории Киева – роман-документ Анатолия Кузнецова, напомнивший уже своим заглавием, так же как и поэма Евтушенко, место ужасного преступления времен Второй мировой войны.

Автобиографический *Бабий Яр* стал самым известным произведением Анатолия Кузнецова (1929–1979) – киевлянина, советского писателя-невозвращенца. Первоначально роман вышел в журнале «Юность», в редакцию которого рукопись произведения попала в 1965 году. Это был сокращенный вариант, лишенный «антисоветчины», которую издательство отказалось печатать – «оттепель» уже подходила

к концу. Полный, восстановленный текст произведения появился впервые в печати в 1970 г. в Германии, после отъезда Кузнецова за границу¹. В вышедшем за пределами СССР варианте, кроме пропущенных ради прохождения цензуры фрагментов, появились также дополнения ярко антисоветского характера, которые вызвали неоднозначную оценку среди критиков и литературоведов. Итак, Андрей Лучников допускал, что дописанные на Западе куски были не столько выражением авторской позиции, сколько данью конъюнктуре [Лучников 1999]; а Павел Балдицын прямо заявил, что «почувствовавший полную свободу автор 1970-го года (...) уступает советскому писателю Кузнецову» [Балдицын 2018, 142–143]. Добавленные в эмиграции места действительно выделяются своим антисоветским пафосом, однозначным, преподнесенным в публицистической форме осуждением советской власти; вместе с тем нельзя сказать, что по своей сути дописанные фрагменты противоречат идейному содержанию остального текста романа-документа или искажают его.

Бабий Яр, как оказывается, – это не только произведение, посвященное одной из ужасных глав Холокоста. Его проблематика значительно шире, что во многом обусловлено особенностями повествования и композиции романа. На специфику конструкции самого известного произведения Кузнецова обратил, в частности, внимание Павел Балдицын, отметивший ее полифоничность [Балдицын 2018, 140]. Данный текст будет посвящен не столько содержанию и проблематике *Бабьего Яра*, сколько специфике восприятия и представления широкой исторической панорамы в романе-документе автобиографическим героем Кузнецова – мальчиком Толей, ставшим свидетелем событий в оккупированном немцами Киеве, и его взрослым двойником-повествователем, который не только осмысливает кошмар времен немецкой оккупации, но и расширяет временные рамки произведения, возвращаясь в дореволюционное прошлое и даже пытаясь устремиться в будущее. Некоторые исследователи выделили три повествовательных пласта, разделив «взрослую» перспективу на два взгляда – вспоминающего автобиографического рассказчика и комментирующего автора-повествователя [Ватникова-Призель 1976, 147]. Мы, однако, будем рассматривать их

---

¹ На родине автора роман был впервые издан лишь в 1991 году.

как интегральные составляющие одного голоса – взрослого, зрелого героя-рассказчика, оценивающего с перспективы времени свои детские военные годы и судьбу своей родины.

Приведенные ниже рассуждения станут попыткой ответить на вопрос, каким образом Анатолий Кузнецов, основываясь на своих детских воспоминаниях, сумел создать столь универсальный и вневременной по своей сути эго-документ. Сам термин, как определение личных свидетельств, ввел в научный оборот в 1958 году Якоб Прессер, «сделав его собирательным для всех источников, в которых эго (...) рассказывает о себе» [Нарский 2021, 377]. Как справедливо отметил Игорь Нарский, благодаря возросшему вниманию к эго-документам, более доступным для изучения стал мир «нормальных» или «маленьких» людей [Нарский 2021, 377] – *Бабий Яр* Анатолия Кузнецова в данном случае не является исключением.

Автор ясно формулирует свои цели – создать документ эпохи, передать правду о событиях будущим поколениям. Это не просто воспоминания, картина прошлого, о чем неоднократно заявляется на протяжении всего произведения, главным образом в четырех главах с показательным названием «От автора». Итак, уже в первой из них можно прочитать:

«Это документ, точная картина того, что было. А представьте себе, что, родись вы на одно историческое мгновение раньше, – и это уже была бы ваша жизнь, а не книжное чтиво. Судьба играет нами, как хочет, – малыми микробами, ползающими по земному шару. Вы могли быть мною, родиться в Киеве, на Куреневке, а я вот в этот момент мог быть вами и читать эту страницу» [Кузнецов 1991, 48].

Приведенный фрагмент не только симптоматичен в контексте стремления вызвать у читателя ощущение общности с автором («судьба играет *нами*»), но также указывает на особенность предлагаемой перспективы событий – это взгляд «маленького» человека («малого микроба»), неспособного повлиять на ход истории. Позиция Кузнецова заключается в том, что он не собирается изобразить единый голос масс, а скорее стать представителем конкретных простых индивидов. При этом вытекающая из такого подхода субъективность не умаляет значения романа Кузнецова как документа эпохи. Как замечает

касательно эго-документов Лорина Репина, в их случае «субъективность (...) отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некоей социальной группы или для общества в целом [Репина 2011, 396]. Своего рода манифестом «субъективности» в *Бабьем Яре* становится «Вступительная глава», в которой подчеркивается индивидуально воспринимаемая правда как главный принцип романа и в связи с этим отвергается соцреализм. «Ложный и лицемерный этот метод, собственно, и загубил великую в прошлом русскую литературу. Я отказываюсь от него навсегда. Я пишу эту книгу, не думая больше ни о каких методах, ни о каких властях, границах, цензурах или национальных предрассудках» [Кузнецов 1991, 14].

Итак, заявив об отказе от любых условностей, Кузнецов стремится к максимальной искренности повествования, которая на первый план должна выдвинуть многоголосие человеческих судеб. Важно отметить, что автор признает субъективность своего взгляда, не старается ее никоим образом скрыть: «Да, я пишу тенденциозно, потому что даже при всем стремлении быть объективным, я остаюсь живым человеком, а не счетно-вычислительной машиной» [Кузнецов 1991, 222].

Осознавая невозможность достичь полной объективности, автор, однако, подчеркивает достоверность, своего рода фактографичность произведения, начиная свой рассказ в манере судебного показания: «Я, Кузнецов Анатолий Васильевич, автор этой книги, родился 18 августа 1929 года в городе Киеве. Моя мать – украинка, отец – русский. В паспорте у меня была поставлена национальность „русский“» [Кузнецов 1991, 14]. Данный прием однозначно подтверждает также единство автора-рассказчика и главного героя, столь типичное для эго-документа [Филатова 2018, 32].

Роман *Бабий Яр* – это, однако, далеко не монолог «триединого» Анатолия Кузнецова. Автор ввел в структуру произведения ряд элементов, которые обеспечили повествованию упомянутую выше полифоничность. Одним из них, придающим роману достоверности, документальности являются многочисленные советские и нацистские объявления, фрагменты газет, сухие сводки (с точным указанием источника). Например, в одной из глав, названных просто «Глава подлинных документов», приводятся лишь объявления немецких оккупационных ор-

ганов, без каких-либо комментариев [Кузнецов 1991, 109–112]. Данный прием подчеркивает не только контраст сухой, официальной истории с детским, живым восприятием действительности, но и разоблачает ложь и цинизм простых и однозначных политических формулировок, используемых тоталитарной пропагандой. Одним из примеров, не требующих отдельного комментария на фоне всего романа, может стать приведенный в упомянутой главе следующий лозунг: «Украинец, твое место – рядом с Германией в борьбе за лучшую Европу!» [Кузнецов 1991, 111].

Обе «Главы подлинных документов» представляют собой отдельный слой романа, олицетворяющий бездушную историю, жестко и категорично подчиняющую себе растерянного «маленького» человека. Именно таким персонажем представляется главный герой *Бабьего Яра*, которому в 1941 году было 12 лет. Данный факт имеет особое значение для специфики повествования, в котором часто сквозь слова взрослого рассказчика пробивается детское, наивное мировосприятие². Ярким примером в данном контексте является ситуация, в которой главный герой впервые задумывается о своей национальной идентичности:

«ЖИДЫ, ЛЯХИ И МОСКАЛИ – НАЙЛЮТЕЙШИЕ ВРАГИ УКРАИНЫ!». У этого плаката впервые в жизни я задумался: кто я такой? (...) Наполовину украинец, наполовину «москаль», я, значит, враг сам себе.

Дальше – хуже. Мои лучшие друзья были: Шурка Маца – наполовину еврей, то есть жид, и Болик Каминский – наполовину поляк, то есть лях. Сплошная чертовщина. Немедленно сообщил бабке [Кузнецов 1991, 49–50].

Воспроизведением в романе Кузнецова детского мировосприятия, сопоставленного с пропагандистскими лозунгами, достигается также другой эффект – разоблачение абсурдности идеологических штампов, сразу отмечаемой еще идеологически не обработанным умом ребенка-повествователя. Таким образом, в *Бабьем Яре* присутствует характерное для художественных текстов, воспроизводящих детское мирооще-

---

² Специфике детского мировосприятия в художественном произведении посвящены статьи Бориса Кондакова и Марии Попковой: *Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая* [Кондаков, Попкова 2011], *Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья вторая* [Кондаков, Попкова 2013].

ние, противопоставление «естественного», «открытого» мировосприятия и ценностно-смысловой позиции ребенка со стереотипным, искаженным, ложным и корыстным представлением «взрослых» [Кондаков, Попкова 2011, 139].

Наивный, искренний взгляд Толи в сочетании с ужасом описываемых событий еще в большей степени раскрывает масштабы трагедии геноцида. Уже в первой главе можно отметить коллизию воспоминаний повествователя о беззаботном детстве в окрестностях Бабьего Яра («Мы знали этот ручей как свои пять пальцев, мы в детстве запруживали его маленькими плотинами – „гатками“, и купались» [Кузнецов 1991, 15]) с ужасными впечатлениями от его первого послевоенного визита в это место.

Вдруг мы поняли, что идем по человеческому пеплу. (...)

Мы походили вокруг, нашли много целых костей, свежий, еще сырой череп и снова куски черной золы среди серых песков. Я подобрал один кусок, килограмма два весом, унес с собой и сохранил. Это зола от многих людей, в ней все перемешалось – так сказать, интернациональная зола [Кузнецов 1991, 15–16].

В приведенных двух фрагментах хорошо видна многоуровневость мировосприятия повествователя, который в данном случае является в трех образах: маленького Толи (купанье в ручье), резко повзрослевшего подростка («идем по человеческому пеплу») и зрелого автора-повествователя («интернациональная зола»).

Вместе с тем, как уже упоминалось ранее, для романа *Бабий Яр* характерна преимущественно двойственная перспектива исторического времени при одном повествователе. Детские ощущения простого киевского мальчика Толи переплетаются с мыслями зрелого Анатолия Кузнецова, выражаемыми наиболее ярко в публицистических по своей сути отступлениях. Следует отметить, что первая перспектива отличается воспроизведением детских ощущений, отсутствием глубоких раздумий и осмысления происходящего (что логично, учитывая возраст героя), а также характерной для молодого ума наблюдательностью и любопытством. На данную особенность детского мирозерцания обращают внимание Кондаков и Попкова: «Состояние, которое характеризует процесс формирования в сознании детей общей картины мира, можно

назвать всепринимаящим, для которого свойственна особая «свободная легкость» в познании себя и в открытии для себя окружающего мира» [Кондаков, Попкова 2011, 138]. Мальчик Толя не только еще не понимает законов истории, но даже сам себя еще плохо знает и искренне этому удивляется. Итак, например, в главе «Грабить чертовски интересно, но нужно уметь» уже в самом стиле названия звучит голос любознательного, несколько склонного к хулиганским выходкам мальчишки. Далее, на протяжении всей главы Кузнецов передает слово 12-летнему Толе, участвующему в грабежах киевских магазинов накануне вступления в город немцев. «Эх, какая досада: пока я метался в обувном, рядом разбили хозяйственный магазин и уже тащили оттуда банки с красками, связки лопат и замков» [Кузнецов 1991, 25]. «И вдруг грабеж захватил меня как горячая лавина, у меня горло сдавило от жадности и азарта» [Кузнецов 1991, 26]. Как видно из приведенных фрагментов, герой-повествователь признается в ощущениях и эмоциях, которые не только огорчили его мать осенью 1941-го, но и явно не были свойственны писателю Анатолию Кузнецову в конце 60-х гг. Следует отметить, что границы между упомянутыми повествовательными пластами достаточно отчетливы, но вместе с тем «перевоплощение» зрелого повествователя в мальчика Толю иногда проходит плавно и органично. Так происходит, например, в конце публицистической главы «От автора», являющейся приглашением в совместное путешествие (в том числе и во времени): «Я приглашаю вас: войдите в мою судьбу, вообразите, что вы в моей оболочке (...). Теперь пойдем на улицу. Над цитаделью развевается немецкое военное знамя. Советской власти нет. Теплый осенний день, хорошая погода» [Кузнецов 1991, 26]. И вот уже в начале следующей главы («К вопросу о рае на Земле») мальчик-повествователь Толя идет с бабушкой в направлении Киево-Печерской Лавры: «Нам предстоял далекий путь, через весь город, на Зверинец, и потому бабка положила в кошелку хлеба, яблок, две бутылки воды» [Кузнецов 1991, 49].

Воспроизведение детского мировосприятия, наивного по своей сути, не только подчеркивает достоверность воспоминаний Кузнецова, но и играет в романе еще одну важную роль – показывает, насколько легко в неопытном сознании зарождается ненависть и склонность к дегуманизации. Это явление отчетливо прослеживается на примере

размышлений героя-повествователя, прочитавшего известный приказ, согласно которому всем евреям города Киева следовало явиться 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской³:

И вдруг – неожиданно для самого себя, прямо как-то стихийно – я подумал словами деда, даже с его интонацией и злобой: «А! Ну и что? Вот пусть и едут в свою Палестину. Хватит, разжирели! Здесь Украина, а они, видите ли, расплодились, расселись, как клопы. И Шурка Маца [друг героя – А.Б.] – тоже жид пархатый, хитрый, вредный, сколько книг у меня зажил!» [Кузнецов 1991, 67].

Толя, добрый и отзывчивый по своей натуре мальчик, даже не осознавал, что безвольно воспроизводит чужие мысли, смешанные с ложью и пропагандистскими штампами. Тем самым юный герой-рассказчик доказывает, насколько легко маленький человек, лишенный самостоятельного мышления, может оказаться инструментом в руках тоталитарной власти и встать на путь превращения из наблюдателя в соучастника ужасных преступлений. Таким образом проявляется одна из чаще всего выделяемых особенностей тоталитарных режимов: стремление лишить человека всякой автономии и жестко подчинить его своим интересам [Gulczyński 2004, 380].

В данной ситуации чуть ли не единственным противовесом становится семейный круг и передаваемые из поколения в поколение ценности. Во вводной части романа повествователь представляет краткий обзор истории своих родных – биографии родителей, бабушки и дедушки главного героя отображают все сложности и противоречия предшествующих войне десятилетий, подчеркивают важность сохранения памяти о семейной истории, ее ценность. Ребенок-повествователь часто не знает или не понимает сути своего семейно-исторического наследия и его связи с советской реальностью – это видно, например, в «Главе воспоминаний», когда в 1937 году мать героя дала ему ножницы и «велела кромсать⁴ семейные фотографии» [Кузнецов 1991, 94]:

---

³ Указанные улицы находились неподалеку от Бабьего Яра, в котором явившиеся 29 сентября 1941 года евреи были расстреляны.

⁴ Разговорные слова и выражения («кромсать») являются очередной особенностью голоса ребенка-повествователя и стилистически отличают его от повествования зрелого рассказчика.

«Ставила крест на лицах, которые надо вырезать, это были враги народа, и я их аккуратно вырезал. Что-то у нас оказалось подозрительно много знакомых врагов народа. После моей обработки фотографии выглядели презабавно» [Кузнецов 1991, 94]. В романе *Бабий Яр* четко прослеживается противостояние семейного круга и тоталитарной власти, стремящейся подчинить себе маленького человека, вырвать его из-под влияния дающих ему автономию традиционных ценностей⁵. Мальчик-повествователь оказывается в подвешенном состоянии между упомянутыми центрами силы. Это видно, например, в его общении с набожной бабушкой, пытающейся объяснить внуку, что обещания земного рая – ложь:

– Рай на небе – у Бога. На земле его никогда не было. И не будет. Сколько уж тех раев людям сулили, все кому не лень, – все рай обещают. (...) Она кивнула на Лавру и стала бормотать молитву. Мне стало тревожно, не по себе. Я-то ведь давно был безбожником, и учился в советской школе, и знал точно, что того, бабкиного, рая нет [Кузнецов 1991, 52].

Представление биографий ближайших родственников главного героя заканчивается словами взрослого повествователя, который с перспективы времени видит всю уязвимость своей семьи перед лицом истории: «Вот такими мы были к приходу фашизма и вообще к приходу войны: незначительные, невоеннообязанные, старики, женщина, пацаненок, то есть те, кому меньше всего нужна война и которым, как назло, как раз больше всего в ней достается» [Кузнецов 1991, 42]. Таким образом, уже в начале произведения подчеркивается, что, основываясь на личных переживаниях героя-повествователя, *Бабий Яр* представляет, прежде всего, перспективу и положение обобщенного маленького человека, пытающегося выжить между двумя тоталитаризмами XX столетия. Об этом повествователь заявляет чуть позже: «Конечно, я рассказываю много личного, но меньше всего, – подчеркиваю, – меньше всего здесь ставится цель рассказывать о всяких личных передрыгах» [Кузнецов 1991, 43].

---

⁵ О стремлении тоталитарных режимов к атомизации общества, разрушению любых семейных и социальных связей писала уже в своей известной работе Ханна Арендт [Arendt 1989, 372–373].

Как уже было сказано, часто запутавшемуся, пытающемуся понять окружающий мир и, в частности, свою идентичность ребенку в *Бабьем Яре* противопоставлен зрелый рассказчик с четко выраженной жизненной позицией. На эту особенность повествования уже обращали внимание литературоведы и критики, а один из них – Дмитрий Колисниченко – назвал даже суждения автора-повествователя «пропагандистским багажом к роману» [Колисниченко 2017]. Лишь частично соглашаясь со столь резкой оценкой критика, отметим, однако, что на фоне наивного взгляда мальчика Толи действительно ярко выделяется однозначная позиция зрелого повествователя, стремящегося осмыслить травматическую историю, не избегая при этом морализаторства и дидактизма. В качестве примера в данном случае может рассматриваться фрагмент, разоблачающий «честных» коммунистов:

Лицемеры. В душе все прекрасно всё знали и понимали [природу сталинского режима]⁶. Лишь только тот, кто НЕ ХОТЕЛ ЗНАТЬ – «не знал». (...) Так после разгрома Гитлера некоторые «честные фашисты» заявляли, что они не знали о чудовищных злодеяниях в лагерях смерти, или, что верили, будто во всем виновато лишь одно гестапо [Кузнецов 1991, 96–97].

Данные слова, не лишённые определенного пафоса, являются одним из многочисленных фрагментов *Бабьего Яра*, где автор отмечает общие черты тоталитарных систем и склонность людей закрывать глаза, стараться не замечать всего ужаса окружающей их действительности. Таким образом, роман Кузнецова подтверждает точку зрения, выраженную уже Ханной Арендт, что нацизм и сталинизм были вариантами одной тоталитарной модели [Ziemer 2012, 16].

Герои романа Анатолия Кузнецова обычно погружены в повседневность и лишь иногда (например, дед) смотрят на события шире, стараются схватить их вневременную природу. Это же и касается главного героя, который в первую очередь воспринимает внешний мир сквозь призму своей семьи и родного города, района. В такой ситуации именно голос зрелого рассказчика придает описанному в романе общечеловеческий и вневременной характер. Таким образом в романе формируется

---

⁶ В полном тексте романа в квадратные скобки традиционно выделяются дополнения, сделанные в 1967–1969 гг.

упомянутая Кондаковым и Попковой оппозиция, согласно которой для взрослых мир является целостным универсумом, а в сознании детей – предстает полем смыслов без четко выраженных границ: миром их ближайшего окружения [Кондаков, Попкова 2013, 141]. Итак, отдельно взятое свидетельство Толи Кузнецова носит довольно локальный характер, даже в масштабах Киева. Жизнь главного героя и его родственников в период немецкой оккупации тесно связана с Куреневкой – ничем не примечательным районом Киева. Даже центральная часть Киева, Крещатик, появляется в основном в публицистических отступлениях зрелого повествователя, которые напрямую не касаются судьбы главного героя и его близких. Большая история, однако, врывается в далеко не центральный район города и в корне меняет жизнь местного населения. Через Куреневку проходят, олицетворяя ужас войны, отступающие, а затем возвращающиеся в Киев красноармейцы, приходящие и уходящие немцы, наконец через Куреневку ведут тысячные толпы военнопленных. Обыкновенный район Киева становится таким образом в *Бабьем Яре* сценой для исторической трагедии, в рамках которой переплетаются судьбы самых разных людей. Эффект неожиданного «вторжения» истории в жизнь простых людей достигается в романе Кузнецова во многом именно благодаря присутствию в повествовательной структуре наивного мироощущения Толи, искренне удивляющегося всему происходящему.

Кроме свидетельства главного героя, ключевую роль в романе *Бабий Яр* играют вставные главы, придающие произведению полифоничность и усиливающие его документальное измерение. Как отметила Алейда Ассман, «воспоминания существуют не изолированно, они взаимосвязаны с воспоминаниями других людей. Структуре воспоминаний свойственны взаимоналожения, взаимные подхваты, а потому воспоминания подтверждают и упрочают друг друга. Благодаря этому они приобретают не только согласованность и достоверность, но и объединяющую силу, способность формировать сообщества» [Ассман 2014, 21]. Именно вставные главы в *Бабьем Яре* «подтверждают и упрочают» свидетельство героя-повествователя – они содержат автономные истории людей, оказавшихся в эпицентре военного кошмара, и тем самым расширяют панораму описываемых событий за пределы Куреневки. В одной из таких глав, являющей собой пересказ беседы

писателя с актрисой Киевского театра кукол Диной Проничевой, показан изнутри ужас геноцида в Бабьем Яре. Еще до начала главы повествователь объявляет о своем новом воплощении: «Привожу ее рассказ, записанный лично мною с ее слов, не добавляя ничего» [Кузнецов 1991, 72]. Затем, уже в самой главе, представляется история героини с описанием сборов и первоначальных заблуждений насчет намерений немцев («Старики были уверены, что на Лукьяновке всех посадят в поезд и повезут на советскую территорию» [Кузнецов 1991, 73]), пешего пути в обреченной массе киевлян («Был сильный говор, гул толпы. И было похоже на демонстрацию, когда улицы так же запружены народом» [Кузнецов 1991, 74]), растущая тревога по мере приближения к Бабьему Яру («Дине стало жутко. Ничего похожего на вокзал железной дороги. Она еще не знала, что это, но всей душой почувствовала, что это не вывоз» [Кузнецов 1991, 75]), потом попытки вырваться, спастись, наконец, прыжок в овраг за мгновение до того как ее достигли бы пули. Кузнецов пересказывает историю выжившей киевлянки без обобщений, комментариев, акцентируя внимание на индивидуальных ощущениях, прогрессирующем хаосе впечатлений, среди которых доминируют потерянности, паника, животный ужас и вместе с тем стремление выжить.

Ее заваливало, но она не шевелилась, пока не засыпало рот. Она лежала лицом вверх, вдохнула в себя песок, подавилась и тут, почти ничего не соображая, забарахталась в диком ужасе, готовая уж лучше быть расстрелянной, чем заживо закопанной [Кузнецов 1991, 81].

Важно отметить, что история Дины Проничевой представлена от третьего лица – автор словно отказывается «воплощаться» в героиню, подчеркивает неповторимость ощущений индивида. С другой стороны, вставные фрагменты еще больше усиливают впечатление достоверности, подлинности авторских глав, написанных от первого лица.

Другим пересказом, также представленным от третьего лица, стало свидетельство бежавшего пленного красноармейца, укрывшегося в доме главного героя. В итоге в романе появляется глава, посвященная судьбе узников лагеря в Дарнице (сегодня район левобережного Киева). Кроме приведенных примеров, в романе есть еще несколько глав-пересказов историй свидетелей, жертв, простых людей, чьи судьбы связаны с трагедией Бабьего Яра. Таким образом в произведении

Кузнецова возникает упомянутое многоголосие, расширяющее панораму киевской действительности периода немецкой оккупации.

Полифоничность *Бабьего Яра* дополнительно усиливают голоса многочисленных, часто эпизодических персонажей – соседей, приятелей или просто прохожих. Важно отметить, что их реплики чаще всего приводятся без каких-либо оценок зрелого повествователя и таким образом уже сами по себе становятся отражением настроений своего времени, которого автор не хочет исказить голосом «из будущего». Симптоматичны в данном случае радостные восклицания киевлян после прихода немцев: «Соседка Елена Павловна, возбужденная, на себя не похожая, закричала с радостным изумлением, с торжеством: – Что сидите? Немцы пришли! Советская власть кончилась!» [Кузнецов 1991, 20]. Среди обнадеженных приходом новой власти горожан оказался также дед главного героя: «– Да-а... – сказал потрясенный дед и перекрестился широко: – Слава тебе, Господи, кончилась эта босяцкая власть, а я уж думал не доживу...» [Кузнецов 1991, 21]. Интересно, что не менее ярко, но без каких-либо оценок повествователя описаны эмоции в момент освобождения Киева Красной армией: «Там, наверху, на рельсах, обнимались, плакали, истерически визжали женщины, оборванные старухи кидались на шеи советским солдатам» [Кузнецов 1991, 352].

Отдельную категорию героев, также усиливающих ощущение полифоничности, являют собой персонажи, которых можно определить как свидетелей истории, своеобразное воплощение прошлого, часто, казалось бы, несовместимое с настоящим. Появление их в структуре придает более широкий контекст представляемым событиям, в том числе во временном измерении. Итак, казалось бы, ничем не примечательные персонажи становятся в *Бабьем Яре* «носителями истории», воплощением исторической памяти на человеческом уровне. Кроме ранее упомянутых членов семьи главного героя, в романе появляется, например, «древняя, древняя скрюченная старуха» [Кузнецов 1991, 237], которая оказывается живущей дореволюционным прошлым вдовой расстрелянного большевиками киевского фабриканта. В глазах Толи старуха становится каким-то непонятным, но вместе с тем завораживающим олицетворением давно ушедшей эпохи и истории его родной Куреневки, о которой в своем советском детстве он почти ничего не знал:

– Мы ведь Кобцы, – сообщила она. – Я вдова покойного Кобца, вы, конечно, слышали?

Да, мы слышали. Куреневский кожевенный завод старики и поныне называли заводом Кобца [Кузнецов 1991, 238].

Перед глазами героя-повествователя вдруг оживает прошлое, которое, казалось бы, несовместимо с жестокими военными реалиями:

У нас было три автомобиля, не считая конных выездов. Я в молодости не знала, что значит ходить пешком. А как я была хороша! Когда мы приехали в Петербург, говорили, что я кандидатка в первые красавицы, меня прочили во фрейлины, и я была представлена императрице Марии Федоровне [Кузнецов 1991, 240].

Появившаяся в соседнем доме пожилая женщина воспринимается юным героем-повествователем как гостя из какого-то сказочного, волшебного мира, живущего по непонятным правилам:

– (...) Иголки и одеколон мы продали, потом продали свой паек черного хлеба – и купили пирожных. Мы решили отпраздновать новоселье с пирожными. Как давным-давно. И она торжественно подала на стол старинную вазу с пирожными на сахарине, а я так и раскрыл рот при виде этого чуда, мать дернула меня под столом [Кузнецов 1991, 241].

Киевская Куреневка в *Бабьем Яре* превращается в место встречи самых разных людей: от евреев до немцев и от простых крестьян и рабочих до представителей дореволюционных элит. Все они страдают от войны, часто поддерживают друг друга и тем самым доказывают, что простые люди, вне зависимости от своей национальности и классового происхождения, оказываются в той же роли жертв истории. Понимание данной закономерности касается не только зрелого повествователя, но и мальчика Толи, который, несмотря на ужасы войны, умеет отнестись с сочувствием даже к оказавшимся на Куреневке простым немецким солдатам, в какой-то момент ничем уже не отличавшимся в романе Кузнецова от других жертв войны: «Особенно потрясенным выглядел юный Герман. Он бесцельно тыкался по углам, и казалось, вот-вот расплачется» [Кузнецов 1991, 333].

В заключение следует констатировать, что *Бабий Яр* далеко выходит за рамки свидетельства одного человека, пережившего кошмар

войны. Благодаря специфике композиции и повествования, подбору персонажей, чью автономность подчеркивают лишённые авторского комментария высказывания, произведение Кузнецова превращается в многоголосие «маленьких» свидетелей истории. Роман-документ заканчивается на положительной ноте, в которой звучит вера автора в историческую память, носителем которой являются, в первую очередь, именно «маленькие» люди:

И все же я думаю о том, что ни одно общественное преступление не останется тайным. Всегда найдется какая-нибудь тетя Маша, которая видит, или спасутся пятнадцать, два, один, которые свидетельствуют. Можно сжечь, развеять, засыпать, затоптать – но ведь остается еще людская память. Историю нельзя обмануть, и что-нибудь навсегда скрыть от нее [Кузнецов 1991, 360–361].

В приведенном фрагменте четко слышен голос зрелого автора-рассказчика, который на протяжении всего романа выделяется на фоне упомянутого многоголосия «маленьких» героев, в том числе мальчика-повествователя Толи, осмысливая и однозначно оценивая описанные события в общечеловеческих, глобальных масштабах. Одновременно Автор-повествователь не вмешивается в частности, избегает прямой оценки конкретных поступков и высказываний и, таким образом, его рассуждения в публицистических главах становятся органичным дополнением описываемых событий, в минимальной степени влияя на заявленную в жанре *Бабьего Яра* документальность. Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что, благодаря особенностям композиции и повествования, их вертикальной и горизонтальной многоуровневости, роман-документ Анатолия Кузнецова являет собой не только свидетельство переживаний «маленького» человека», но также более широкий и предостерегающий взгляд на сущность тоталитарных идеологий.

Литература

- Arendt H., 1989, *Korzenie totalitaryzmu*, przekład D. Grinberg, M. Szawiel, Warszawa 1989.
- Assman A., 2014, *Dlinnaâ ten' prošlogo: Memorial'naâ kul'tura i istoričeskâj politika*, perevod V. Hlebnikov, Moskva. [Ассман А., 2014, *Длинная тень*

- прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, перевод Б. Хлебников, Москва].
- Baldicyn P., 2018, *Obraz avtora i polifoniâ v dokumental'nom romane Anatoliâ Kuznecova „Babij Âr”*, „Filologîâ i kul'tura”, No. 3(53), s. 139–144. [Балдицын П., 2018, *Образ автора и полифония в документальном романе Анатолия Кузнецова «Бабий Яр»*, «Филология и культура», № 3(53), с. 139–144].
- Evtušenko E., 1991, *Babij Âr*, [v:] *Babij Âr. Krâtidesâtiletiiu tragedii 29, 30 sentâbrâ 1941 goda*, red. Š. Spektor, Ierusalim, s. 176–179. [Евтушенко Е., 1991, *Бабий Яр*, [в:] *Бабий Яр. К пятидесятилетию трагедии 29, 30 сентября 1941 года*, ред. Ш. Спектор, Иерусалим, с. 176–179].
- Filatova N., 2018, *Podhody k izučeníu ègo-dokumentov v sovremennoj istoričeskoj nauke v svete „lingvističeskogo povorota”*, [v:] *Dokument i „dokumental'noe” v slavânskîh kul'turah: meždu podlînnym i mînym*, red. N. Kurennaâ, Moskva, s. 24–40. [Филатова Н., 2018, *Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота»*, [в:] *Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым*, ред. Н. Куренная, Москва, с. 24–40].
- Gulczyński M., 2004, *Panorama systemów politycznych świata*, Warszawa.
- Kolisničenko D., 2017, *Babij Âr: svidetel'stva i propaganda Anatoliâ Kuznecova*, „Literaturnaâ gazeta”, No. 35(6611). [Колисниченко Д., 2017, *Бабий Яр: свидетельства и пропаганда Анатолия Кузнецова*, «Литературная газета», № 35(6611)], <https://lgz.ru/article/-35-6611-6-09-2017/babiy-yar-svidetelstva-i-propaganda-anatoliya-kuznetsova> [1.04.2023].
- Kondakov B., Popkova M., 2011, *Xudožestvennyj mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniâ. Stat'â pervaa*, „Vestnik Permskogo universiteta”, Rossijskaâ i zarubežnaâ filologîâ, No. 4(16), s. 130–143. [Кондаков Б., Попкова М., 2011, *Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая*, «Вестник Пермского университета», Российская и зарубежная филология, № 4(16), с. 130–143].
- Kondakov B., Popkova M., 2013, *Xudožestvennyj mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniâ. Stat'â vtoraâ*, „Vestnik Permskogo universiteta”, Rossijskaâ i zarubežnaâ filologîâ, No. 2(22), s. 139–148. [Кондаков Б., Попкова М., 2013, *Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья вторая*, «Вестник Пермского университета», Российская и зарубежная филология», № 2(22), с. 139–148].
- Kuznecov A., 1991, *Babij Âr*, Zарогоژه. [Кузнецов А., 1991, *Бабий Яр*, Запорожье].
- Lučnikov A., 1999, *Propravšij šestidesâtnik*, „Nezavisimaa gazeta”. [Лучников А., 1999, *Пропавший шестидесятник*, «Независимая газета»], https://www.ng.ru/style/1999-11-13/16_lost.html [1.04.2023].

- Narskij I., 2021, *Oficer vermahta v sovetskoj uniforme: Polifoniâ ègo-dokumentov iz odnogo semejnogo arhiva*, [v:] *Ègo-dokumenty: Rossiâ pervoj poloviny XX veka v mežistočnikovyh dialogah*, red. M. Litovskaâ, N. Suržikova, Ekaterinburg, s. 369–387. [Нарский И., 2021, *Офицер вермахта в советской униформе: Полифония эго-документов из одного семейного архива*, [в:] *Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах*, ред. М. Литовская, Н. Суржилова, Екатеринбург, с. 369–387].
- Repina L., 2011, *Istoričeskaâ nauka na rubeže XX–XXI vv.: Social'nye teorii i istoriografičeskaâ praktika*, Moskva. [Репина Л., 2011, *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика*, Москва].
- Vatnikova-Prizel Z., 1976, *Babij Âr A. Anatoliâ (Kuznecova) – novaâ (sinkretičeskaâ) forma memuarnoj literatury*, „Russian Language Journal”, Vol. 30, No. 106, s. 143–152. [Ватникова-Призель З., 1976, «*Бабий Яр*» А. Анатолия (Кузнецова) – новая (синкретическая) форма мемуарной литературы, «Russian Language Journal», vol. 30, № 106, с. 143–152].
- Ziemer K., 2012, *Totalitaryzm jako kategoria poznawcza w naukach o polityce*, „Civitas. Studia z Filozofii Polityki”, nr 14, s. 11–30.

“THERE IS STILL PEOPLE’S MEMORY”.
PLENTY OF “LITTLE” WITNESSES OF HISTORY
IN ANATOLY KUZNETSOV’S DOCUMENTARY NOVEL *BABI YAR*

ABSTRACT

Key words: *Babi Yar*, ego-document, “little people”, double narration, documentary novel

The article is devoted to the specificity of the perception of the events of World War II in Kiev, including the tragedy of *Babi Yar*. The genocide of the Jews in Kiev becomes the focal point of Anatoly Kuznetsov’s documentary novel and part of a broader reflection on the nature of totalitarian systems (Nazi and Soviet). *Babi Yar* as an ego-documentary shows the cruelty of war from the perspective of ordinary people, focusing on its local dimension. The greatest emphasis in the article is placed on the analysis of the specificity of the narrative in the documentary novel (роман-документ) *Babi Yar*, in which we deal with the voice of a mature narrator, the perspective of a small boy and the stories of war victims integrated into the structure of the novel. They create a characteristic polyphony

in the novel, which becomes not only the testimony of one person, but also, in accordance with the clearly formulated idea of the writer himself, the “voice” of the “little people”, an appeal for them to be remembered in the face of the “great” history that overshadows the tragedy of an individual.